

А.И. Груша

**Князь Федор Иванович Ярославич.
Правитель, писавший документы своей рукой**

Статья посвящена вопросу об использовании письменности, письменных документов, в религиозных практиках. В день Пасхи – 20 апреля 1511 г., в Пинске владелец Пинска, Клецка, Городка Давыдова и Рогачева князь Федор Иванович Ярославич сделал земельное пожалование для своего подданного и написал текст документа на это пожалование своей рукой. Данный поступок рассматривается как момент личного выбора князя, оригинальная форма выражения и репрезентации его благочестия, христианского человеколюбия.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, Пинск, Федор Иванович Ярославич, документ, правитель, автограф, репрезентация благочестия, индивидуальное поведение, личный выбор, христианское человеколюбие.

A.I. Hruša

**Prince Fyodor Ivanovich Yaroslavich. The ruler,
who wrote charters with his own hand**

The article discusses the problem of the use of literacy, written charters, in religious practices. On Easter – April 20, 1511, in Pinsk prince Fyodor Ivanovich Yaroslavich, the ruler of Pinsk, Kletsk, Gorodok Davydov and Rogachev, granted land for his subject and wrote the text of the charter on this land with his hand. This act is considered as the moment of the prince's personal choice, original form of expression and representation of his piety, Christian philanthropy.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Pinsk, Fyodor Ivanovich Yaroslavich, charter, ruler, autograph, representation of piety, individual behavior, personal choice, Christian philanthropy.

Предметом нашего внимания является оригинальная форма выражения и репрезентации благочестия, которую явил один из властителей Великого Княжества Литовского (ВКЛ) XVI в. О данной репрезентации прямо не сообщает ни один из источников. Факт ее существования устанавливается путем сопоставления и верификации сведений разного характера. Поводом для этих сопоставления и верификации послужила необычная информация, содержащаяся в одном из документов указанного властителя. Попытаемся реконструировать эту репрезентацию и выяснить, к какому миру идей она апеллировала? Выскажем также предположения относительно того, какие страхи, помыслы, ожидания, стороны мировоззрения и религиозные упования ее устроителей она могла скрывать за собой?

В Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ) хранится один, на первый взгляд, малопримечательный документ – жалованный лист (грамота) князя Федора Ивановича Ярославича (не позже 1471–1520/1522) и его жены Олены (не позже 1471–1518) боярину Федору Петровичу Щепе¹, изданный в Пинске 20 апреля 1511 г. (сохранился в подлиннике)². Это один из многих листов «отчинного господаря» Пинска, Клецка, Городка Давыдова и Рогачева, которыми он утверждал свои земельные пожалования, а также пожалования своих предшественников заслуженным и верным подданным. Ничем особым не выделяются внешние признаки этого документа. Он изготовлен из пергамена; к нему была привешена печать (к настоящему времени печать утрачена).

Несколько старше даты создания документа выглядит его скорописное письмо. Но образцы подобного письма в документации, вышедшей вне великокняжеской канцелярии, известны за первую треть XVI в. Интригу рождает одна запись конечного протокола: «А сес листь мои сам писал есми своею рукою». Из нее прямо следует, что текст документа был написан *собственноручно* Федором Ивановичем Ярославичем.

То, что процитированная запись выполнена тем же почерком, что и основной текст, косвенно подтверждает этот факт³. Уточним, о каком виде работы с письменным текстом сообщил кн. Федор – по крайней мере, о чистовой переписке этого текста. В понятиях текстологии данный документ представляет собой *автограф* указанного князя.

Предвидим возражения, которые могут возникнуть из-за различных толкований значения слова «писать» в приведенной

записи. Может, посредством этого слова кн. Федор намеревался сообщить о каком-то другом виде работы, связанным с подготовкой документа, например, об особо внимательном и тщательном редактировании текста, подготовленного писцом-профессионалом? Это предположение следует отклонить, и сделать это надо вот по какой причине.

В нашем распоряжении имеется более 20 документов за конец XIV – первую треть XVI в., дошедших до нас в подлинниках, с записью писца о том, что он «псал», «писал» или «записал» данный документ (кстати, среди этих документов есть и один документ Федора Ивановича Ярославича как юридического автора). Во всех этих случаях почерки записи писца и остального текста идентичны. Ничто не мешает нам утверждать, что тексты этих документов были написаны указанными писцами. Добавим только, что если бы кн. Федор хотел показать свое участие в редактировании текста, то он, скорее всего, воспользовался пометой «сам», при помощи которой в ВКЛ отмечалось личное участие верховных и местных правителей не только в осуществлении приказа об издании документа⁴, но также, как можно полагать, и в проверке и редактировании проектов документов (хотя бы в некоторых случаях).

Причастность кн. Федора к рассматриваемому документу не только как издателя, но и как писца, подтверждается и следующим. Известно как минимум еще восемь документов, в которых этот правитель заявил о себе как об их переписчике⁵. Все это – документы на учреждение соборов и передачу вкладов в пользу церквей. В пяти из них содержится перечень свидетелей – лиц, принимавших участие в актах учреждения и вкладов. Посредством переписки текстов этих документов кн. Федор выражал и публично репрезентовал свое благочестие. Не вызывает сомнения, что наиболее явственным, рассчитанным на публику и эффект, способом указанного выражения и репрезентации являлась именно демонстрация процесса и результатов его работы как писца. Кн. Фёдор сообщил о своей переписке документа для Щепы в тех же словах, что и в документах для церквей. Следовательно, во всех этих случаях речь идет об одном и том же виде работы.

Признав факт собственноручной переписки документа Федором Ивановичем Ярославичем достоверным и реальным, мы должны согласиться и с тем, что он является уникальным и труднообъяснимым по крайней мере для второй половины XV – первой

трети XVI в. (подчеркнем, что речь идет о написании текста официального документа, а не, например, ведении личной переписки и т.д.). Тогда, когда кн. Федор писал документ «своею рукою», общество ВКЛ не испытывало дефицита в услугах специалистов по подготовке документов различных разновидностей⁶.

Лица, отягощенные властью, богатством и почестями, подобно кн. Федору, к тому же занимавшие различные государственные посты, обзаводились собственными писцами. Кстати, три таких писца попеременно служили Федору Ивановичу Ярославичу – дьяки Федько, Ивашко и Васко, деятельность которых прослеживается: первого – в период с 1512 г. по 1518 г., второго – в 1519 г., третьего – в 1520 г.

Если судить по высокой активности кн. Федора как издателя документов, то создается впечатление, что среди его слуг всегда имелись дьяк или, как минимум, одновременно два дьяка, отвечавших за подготовку документов. Мы вправе, конечно, допустить, что на тот момент, когда планировалось создание данного документа, Федор Иванович Ярославич в силу неожиданного стечения обстоятельств – например, болезни, или даже смерти дьяка (дьяков) – не смог воспользоваться его (их) профессиональными умениями.

Но и в этих обстоятельствах кн. Федор мог обратиться к услугам местных писцов. Маловероятно, что в Пинске, где был издан этот документ, не нашлось способных к подготовке письменных текстов по образцу или под диктовку, если подобные тексты сплошь и рядом готовились далеко от крупных центров деловой письменности. В конце концов, помощь в подготовке документа мог оказать кто-либо из числа местного духовенства (по подсчетам исследователей, во второй половине XVI в. в одном только Пинске было 16 церквей⁷; это их число в первой половине указанного столетия вряд ли было меньше, и это не считая церквей окрестных сел).

В то же время можно допустить и то, что в силу неизвестных причин ни один из потенциальных писцов в этот день не оказался в состоянии подготовить документ от имени Федора Ивановича Ярославича. Однако в таком случае процедуру пожалования можно (и даже нужно) было – для сохранения значимости момента – перенести на другой день.

Немаловажен и другой вопрос. А вообще, мог ли кн. Федор в случае отсутствия при нем собственных дьяков и писцов со

стороны, сам взяться за перо? Для светской аристократии, очевидно, являлось нормой уметь писать. Но использование этого умения имело свои рамки. В мирской среде переписка текста документов было занятием, не обладавшим большим престижем и высоким социальным статусом.

Нам известны случаи личного участия сторон договоров в составлении и написании текстов «русских» документов, оформлявших эти договоры в первой трети XVI в.⁸ Их относительно немного – всего пять. К тому же они и не столь показательны. Даже и в свете всех этих случаев – сославшись на некоторую, пусть даже незначительную, распространенность практики собственноручной переписки текстов одной из сторон договора, мы могли бы допустить факт переписки документа и кн. Федором.

Но для этого допущения есть одна серьезная помеха. Все указанные случаи объединяет то, что это были договоры, стороны которых имели равное социальное положение и равную правоспособность. Иное дело – договор, который зафиксирован в нашем документе. Его стороны не обладали этим положением и данной правоспособностью. Одну сторону представлял правитель, реализовавший свои исключительные права и милость, вторую – его подданный, зависивший от прав и милости правителя. С точки зрения социальной иерархии, субординации, традиционных практик, связанных с документированием решения правителя, такое занятие, как переписка текста документа, более подобало слугам, подданным, а не правителю.

Все наши попытки увидеть в лице Федора Ивановича Ярославича простого переписчика, заменившего в критических обстоятельствах отсутствующих писцов, являются малоубедительными и осуждены на неудачу.

Очевидно, что поступок кн. Федора, связанный с перепиской текста его жалованного листа боярину Щепе, имел символическое значение. Поиск прямых аналогов данного поступка не дал положительных результатов. Это убеждает нас в том, что мы имеем дело не со следованием распространенной традиции, не с возвращением к забытой традиции, а чем-то совершенно уникальным – с моментом личного выбора, индивидуальным поведением кн. Федора. Поиск же сведений о подобных поступках возвращает нас к персоне Федора Ивановича Ярославича.

Записи, похожие на записи рассматриваемого документа, имеются как минимум еще в восьми документах этого князя.

Указанные документы фиксировали учреждения соборов и передачу вкладов в пользу церквей. Мы упоминали об этих документах и отметили, что посредством их переписки кн. Федор выражал и публично репрезентовал свое благочестие. Приведем эти записи: «А писалъ есми сес мои листъ сам я, княз Федор Иванович Ярославич, своею рукою» (1502)⁹; «А писал сес нашъ листъ самъ сын мой княз Федор своею рукою» (1507)¹⁰; «А писал тот лист я самъ, княз Федор Иванович Ярославичъ, своею рукою» (1514)¹¹; «А писалъ сесъ нашъ листъ я самъ, князь Федоръ, своею рукою» (1515)¹²; «И писал есми сес нашъ лист я сам, княз Федор Иванович Ярославич, своею рукою» (1518)¹³; «А писал есми сес нашъ лист я самъ, княз Федор Иванович Ярославич, своею рукою» (1518)¹⁴; «А сес есми лист я, княз Федор Иванович Ярославич, писал своею рукою» (1518)¹⁵; «А писал есми я, княз Федор Ярославич, сес мои лист мою власною рукою» (1520)¹⁶.

Выскажем предположение, что написание кн. Федором документа боярину Щепе, также как и написание им текстов документов для церквей, являлось формой выражения и репрезентации его благочестия, правда, очень неординарной. Доказать это предположение мы сможем, если введем акт пожалования, который запечатлел этот документ, создание самого документа в систему координат церковного календаря. Указанное пожалование и издание документа состоялись в самый главный христианский праздник – Великий день (Великдень, Пасху), который в 1511 г. приходился как раз на 20 апреля.

Нам мало что известно о порядках и традициях поведения, в том числе, социальной и правящей элиты в день празднования Великого дня, о существовании в этот день каких-либо запретов, касавшихся ведения мирских дел. Но предварительная проверка, в частности, дат сохранившихся документов по делам о распределении осязаемых благ и правосудии, изданных центральными, местными властями и частными лицами, убеждает нас в том, что эти власти и лица не включали «праздник праздников и торжество торжеств» в календарный план своей правительственной, служебной и деловой активности. Никто в этот день не делал пожалования, не судил, не совершал сделки. Все отрешались от житейских забот. Очевидно, что кн. Федор, совершая пожалование и осуществляя переписку текста документа в главный христианский праздник, вкладывал в эти деяния особый смысл.

Великий день был источником божественных благодеяний. Его святители особенными делами благочестия и благотворения ближних. Посредством написания документов для церкви кн. Федор являл свою любовь к Богу. Переписывая в этот день документ для своего подданного, он, пренебрегая социальными ролями, репрезентировал свое христианское человеколюбие. Важно и другое. Поместив свои пожалование и переписку документа в сакральное пространство и время, он возвел их в ранг священных действий. Кн. Федор возвысил и сравнял два этих деяния – одно из которых подобало щедрому христианскому господарю (дарение, пожалование), другое – верному и усердному слуге (написание документа), сделав равными господина и слугу перед Богом и Страшным судом. Таков, как мы считаем, был смысл оригинальной репрезентации благочестия кн. Федора.

Эта форма репрезентации вполне соответствовала незаурядной личности этого князя. С какой бы стороны мы не приближались к сохранившимся сведениям о Федоре Ивановиче Ярославиче, мы неизменно ощущаем нетривиальность того образа, который данные сведения формируют о нем. Кн. Федор был особо щедр в отношении к своим светским подданным – даже до расточительства. Он активно и последовательно отторгал части своих владений и жаловал их в пользу своих слуг и бояр, сокращая тем самым собственные доходы.

В данном случае речь идет о такой щедрости, которая в первой трети XVI в. выходила за пределы нормы (этот землевладелец не соотносил свои издержки с приобретениями, не принимал действенных мер по повышению собственного благосостояния). То, что сказано о щедрости кн. Федора в отношении к его светским подданным, справедливо и в отношении к церкви (кстати, он был великодушен в равной степени и к костелу, поддерживая единственный в Пинске католический храм – Вознесения Пресвятой Девы Марии францисканского кляштора)¹⁷.

Благочестие занимало важное место в системе личных приоритетов кн. Федора. Одно из его первых общественных деяний как пинского отчича – грандиозная акция по учреждению собора св. Дмитрия (с четырьмя приделами!) в Пинске (1502). Ощущается особая забота Федора Ивановича Ярославича и его жены Олены (она, кстати, выступала сообща с мужем в большинстве его документов на дарения в пользу слуг, бояр, церкви и костела) в деле о спасении душ их родителей и слуг, их щепетильность

в отношении к хозяйственному обеспечению церковью, церковному убранству, их большие познания в уставе богослужения, интерес к церковным песнопениям, склонность к публичным религиозно-символическим и церемониальным акциями, касавшихся их благотворений.

Но неумоимо усердствуя в благодеяниях, Федор Иванович Ярославич выходил за границы легитимного порядка, провоцируя конфликты с духовными властями. Один из таких конфликтов – по иску туровского и пинского епископа, поданного одновременно на Ивана Васильевича Ярославича и его сына Федора, решался судом короля польского и великого князя литовского Александра (1501–1506). Владыка Васиян обвинял князей в том, что они строили церкви в господарских городах и волостях без воли и благословения епископа, устанавливали в них духовенство, выводили его из власти иерарха. Как утверждал владыка: «А того дей здавна не бывало»¹⁸. Не примеряли ли на себе Федор Иванович Ярославич и его отец образы и роли «князей-священников»¹⁹?

В основе нестандартного поведения кн. Федора лежали его обостренные религиозные чувства. Но какими помыслами и ожиданиями они были обусловлены? На этот вопрос мы не можем дать полный ответ. Но все же поделимся некоторыми предположениями. Эти помыслы и ожидания следует искать в той области бытия, над которой были не властны даже такие сильные мира сего, как Федор Иванович Ярославич. У него и княгини Олены не было детей, которых они долго и напряженно ждали.

Очевидно, именно с этим ожиданием связано, в частности, почитание ими святых Иоакима и Анны – родителей Пресвятой Богородицы, которые согласно церковному преданию до глубокой старости не имели детей, безмерно скорбели по этому поводу и горячо молили Бога о даровании ребенка. В селе Ставок кн. Федор и Олена возвели церковь Зачатья св. Иоакима и Анны, и всячески поддерживали ее. Явно, в том числе, и к указанному ожиданию имеет отношение и особое почитание данной супружеской парой культа Пресвятой Богородицы.

Как нам кажется, поведение кн. Федора могло быть обусловлено также и его мировоззренческими установками, а именно: глубинным убеждением в том, что Бог вмешивается в земную жизнь, воздавая милость праведникам и наказывая грешников. Это убеждение могло подкрепляться интерпретацией князьями Ярославичами истории и опыта их семьи. Федор Иванович Ярославич вел

свой род от младшего сына великого князя московского Ивана Калиты – Андрея (1327–1353). Его предки – совладельцы Москвы, серпуховские князья-суверены, политический статус которых в отношении к великим князьям московским выражался как «молодший братья», «сыновья» и «братаничи».

Прапрадед кн. Федора – Владимир Андреевич Храбрый (1353–1410), дед – Василий Ярославич (1416/1419–1483) были верными и деятельными сподвижниками правителей Москвы и стяжали славу успешных военачальников²⁰. Василий Ярославич был последним владельцем Серпухова из числа представителей младшей линии Калитовичей. В июле 1456 г. по приказу великого князя Василия II Темного он был вероломно схвачен, заключен под стражу и лишен владений.

Его жена и сын (от первого брака) Иван, которых явно ожидала участь Василия Ярославича, нашли убежище в ВКЛ. Эта линия Калитовичей являлась «своей» для правящей в ВКЛ династии. По отцовской линии Иван Васильевич Ярославич был праправнуком великого князя литовского Ольгерда. Правителям ВКЛ служили дед Ивана – Ярослав (1415–1421), его отец – Василий (1446), который, кстати, и родился где-то в пределах ВКЛ²¹. Поэтому планируя побег, жена Василия Ярославича и его сын Иван могли надеяться, что в ВКЛ им окажут благосклонный прием. Это был второй выезд кн. Ивана в ВКЛ (первый раз – вместе с отцом в 1446 г.) и на этот раз последний. Тут он остался, получив в пожалование Клецк, Городок Давыдов и Рогачев. В этой стране у него и родился сын Федор²².

На первых порах Иван Васильевич Ярославич рассматривал свое пребывание в ВКЛ временным и в союзе с кн. Иваном Андреевичем Можайским вынашивал планы возвращения удела и освобождения отца, действуя с опорой на дворян, сохранявших верность Василию Ярославичу²³. В начале марта 1462 г. эти планы были раскрыты, а сторонники кн. Василия казнены. Расправа над ними была изуверской и устрашающей, к тому же нарушающей установления Бога. Ведь кровь была пролита в Федорову неделю – в первые, самые строгие, дни Великого Поста, а духовенству было запрещено исповедать осужденных перед смертью²⁴.

Эти события оставили глубокое впечатление у современников. Поступки московского правителя осуждались в обществе. К судьбе же Василия Ярославича и к смерти его приверженцев относились с сочувствием. Пребывание кн. Василия «въ узахъ злехъ

в темнице»²⁵ оценивалось как его великая, горькая беда и печаль²⁶. Его сторонники были восприняты как «друголюбныя съветники», принявшие многие муки и бесчисленные раны, пролившие кровь «за друголюбие и за князя Василья Ярославича»²⁷. Кн. Василию были оказаны особые посмертные почести. Он был единственным из удельных князей – потомков Ивана Калиты, удостоенный чести лежать прямо у алтаря в их родовой усыпальнице – Архангельском храме Московского кремля²⁸.

События 1456 г. и 1462 г. были памятны еще долгое время, увековечены в летописях (созданных, в том числе, на территории ВКЛ), которые укрепляли и стимулировали эту память. Очевидно, что трагические эпизоды, связанные с вероломным захватом и заключением под стражу Василия Ярославича, мученической смертью его сторонников, являлись одними из самых проникновенных воспоминаний его сына и внука, болевой точкой их памяти. К ней Федор Иванович Ярославич настойчиво – посредством имени – апеллировал (кн. Федор носил в своем полном имени редкий для ВКЛ патроним, отсылающий к отчеству деда – «Ярославич», «Ярославича»).

События 1462 г. имели продолжение. Сразу после казни дворян ее инициатора Василия Темного поразил тяжелый и изнуряющий недуг, который вскоре – в том же месяце, привел к его смерти. Очевидно, в семье Ивана Васильевича Ярославича сформировался нарратив, основанный на образе Бога, спасающего его род и наказующего противников этого рода. Федор Иванович Ярославич и его жена Олена, проявляя свое благочестие, свято верили в то, что их любовь к Богу найдет его милость, и он даст им здоровье и возможность продолжить себя в детях, от усердия которых в творении «памяти» по душам своих родителей напрямую зависела их участь в ином мире.

Мы попытались извлечь из документа, созданного Федором Ивановичем Ярославичем в Пинске 20 апреля 1511 г. для боярина Федора Петровича Щепы, гораздо больше, чем то, что могло бы передать его содержание. Мы увидели: в самом документе – объект религиозных практик; в его подготовке – оригинальную форму благочестия его издателя, напомнившего всем в самый главный христианский праздник об идее равенства людей перед Богом и Страшным судом, не взирая на их социальное положение и занятия; в одном из его создателей, кн. Федоре – человека, склонного к развернутой религиозной самоидентификации.

Издание этого документа позволило нам высказать предположения относительно помыслов, ожиданий, сторон мировоззрения и религиозных упований Федора Ивановича Ярославича и его жены (которых, добавим, явно объединяла сильная эмоциональная связь). В большой вероятности первого предположения (о напряженном ожидании кн. Федором и Оленой детей и их уповании в этом на Бога) мы абсолютно уверены. Второе предположение (о глубинном убеждении этой супружеской пары в том, что Бог способен воздать милость в земной жизни) нам кажется слишком однозначным.

Но явный факт глубоко эмоционального переживания Федора Ивановича Ярославича воспоминаний о трагедии рода, страха перед второй надвигающейся катастрофой – пресечения рода, надежды избежать эту катастрофу, уповая на Бога, делает это предположение все же правдоподобным.

¹ О нем см.: *Грушевский А.* Пинское Полесье XIV–XVI вв. Исторические очерки. Киев, 1903. С. 115.

² Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 1852; опубл.: «Для лучшее твердости...». Пергаментныя дакументы перыяду Вялікага Княства Літоўскага з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (1391–1566 гг.) / уклад.: Я.С. Глінскі, А.А. Жлутка, Д.В. Лісейчыкаў. Мінск, 2018. № 8. С. 39–41.

³ «Для лучшее твердости...». Вклейка. № 8.

⁴ О помете «сам», иных пометах лиц, ответственных за подготовку документов, см.: *Грушев А.И.* Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Минск, 2015. С. 295–303.

⁵ Там же. С. 329.

⁶ Там же. С. 320–328.

⁷ *Mironowicz A.* Prawosławne parafie Pińska w XVI wieku // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2014. № 5/2. S. 13, 14.

⁸ Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Вильна, 1886. Т. 13. Акты Главного Литовского трибунала. № 2. С. 5; Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). F. 1282. Ap. 1. B. 6382; Archiwum Głównie Akt Dawnych (AGAD). Zbiór dokumentów pergaminowych (DP). Sygn. 7444, 7530; Пинские акты XV–XVI вв. // *Грушевский А.* Пинское Полесье XIV–XVI вв. № 20. С. 25. Благодарю М. Кловаса за предоставление сведений о LVIA. F. 1282. Ap. 1. B. 6382, AGAD. DP. 7444, 7530

⁹ LVIA. F. 1280. Ap. 1. B. 1161. L. 74 (список); опубл.: Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском... Вильна, 1867. С. 324.

¹⁰ LVIA. F. 1280. Ap. 1. B. 1161. L. 89v (список); опубл.: Ревизия. С. 349.

¹¹ LVIA. F. 1280. Ap. 1. B. 1161. L. 57 (список); опубл.: Ревизия. С. 294.

¹² Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа. Вильна, 1869. Т. 6. № 6. С. 17.

¹³ LVIA. F. 1280. Ap. 1. B. 1161. L. 69v (список); опубл.: Ревизия. С. 316.

¹⁴ LVIA. F. 1280. Ap. 1. B. 1161. L. 90 (список); опубл.: Ревизия. С. 350.

¹⁵ LVIA. F. 1280. Ap. 1. B. 1161. L. 6 (список); опубл.: Ревизия. С. 222.

¹⁶ LVIA. F. 1280. Ap. 1. B. 1161. L. 57v (список); опубл.: Ревизия. С. 130.

¹⁷ О деятельности кн. Федора, связанной с поддержкой церкви и костела см.: Karczewska-Wilczek M., Karczewski D. Na chwałę Cerkwi i Kościoła. Fundacje pobożne kniazia Fiodora Iwanowicza Jarosławicza Borowskiego, pana na Pińsku // Cywilizacja prowincji Rzeczypospolitej szlacheckiej. Cykl II. Nie wszystkim umrę. Pamięć o zmarłych w kulturze staropolskiej / pod red. A. Jankowskiego i A. Klondera. Bydgoszcz, 2015.

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 2: 1506–1544. № 109. С. 135.

¹⁹ Имеется и другое мнение: Тієпłowa W. Eparchia pińsko-turowska przed unią brzeską (XV–XVI w.) // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2006. R. 4. S. 15. Przyp.

²⁰ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. / отв. ред. В.Л. Янин. Москва, 2008. С. 71–168.

²¹ Там же. С. 149.

²² Брачный союз Федора Ивановича Ярославича с единственной наследницей Пинска, дочерью кн. Семена Олельковича и Марии – Оленой в 1498 г. (Грушевский А. Пинское Полесье XIV–XVI вв. С. 13), сделал его в 1501 г. (там же. С. 17–19) владельцем Пинска. После смерти кн. Ивана – в 1507 г., кн. Федор, будучи «отчичем», «господарем отчинным» Пинска (Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Knyga Nr. 6 (1494–1506). Užrašymų knyga 6 / par. A. Baliulis. Vilnius, 2007. № 454. P. 269–270), получил в наследство от отца также Клецк, Городок Давыдов и Рогачев, став владельцем обширных владений и одним из самых состоятельных подданных правителя ВКЛ.

²³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подг. к печати Л.В. Черепнин; отв. ред. С.В. Бахрушин. Москва; Ленинград, 1950. № 62. С. 199–201.

²⁴ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 175–183.

²⁵ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1889. Т. 16. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. Стб. 207.

²⁶ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 180–181.

²⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 208.

²⁸ Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 183.